

Владимир Владимиров

**Призраки измены. Русские
спецслужбы на Балтике в
воспоминаниях подполковника
В. В. Владимирова, 1910–1917 гг.**

«Алисторус»

2019

УДК 94(47+474) «1910/1917»:351.746.1
ББК 63.3(2+233.1) «1910-1917»

Владимиров В. В.

Призраки измены. Русские спецслужбы на Балтике в воспоминаниях подполковника В. В. Владимиров, 1910–1917 гг. / В. В. Владимиров — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907255-05-0

Поиск «врагов народа» и «агентов иностранных разведок» кажется родовым признаком сталинского режима. Однако истерия шпиономании разжигалась в нашей стране еще в годы Первой мировой войны. Чем было революционное движение на флоте и как с ним боролись? Где грань между истинным и мнимым шпионажем? Является ли мыслепреступление, сочувствие противнику изменой Родине? И где находится тонкая грань, разделяющая защиту Отечества и бессудные репрессии? Книга «Призраки измены» посвящена работе русских спецслужб на Балтийском флоте и в Прибалтике в 1910–1917 гг. В издание включены уникальные воспоминания-показания начальника жандармерии на Балтике подполковника В. В. Владимиров и документальные материалы его расследований. Впервые публикуется список секретных сотрудников царских спецслужб, работавших на Балтийском флоте.

УДК 94(47+474) «1910/1917»:351.746.1
ББК 63.3(2+233.1) «1910-1917»

ISBN 978-5-907255-05-0

© Владимиров В. В., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Кронштадтская жандармерия и судьба подполковника Владимирова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Владимир Владимирович Хутарев-
Гарнишевский**
**Призраки измены. Русские спецслужбы на
Балтике в воспоминаниях подполковника
В. В. Владимирова, 1910–1917 гг.**
Сборник воспоминаний и документов

© Хутарев-Гарнишевский, В. В., 2019

© Фонд «Историческая память», 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Кронштадтская жандармерия и судьба подполковника Владимирова *Владимир Хутарев-Гарнишевский*

Воспоминания жандармского подполковника В.В. Владимирова о работе российской контрразведки на Балтийском флоте и в Прибалтийских губерниях являются уникальным историческим источником не только по своему содержанию, но и по типу. Это мемуары-показания. Будучи арестованным советскими органами государственной безопасности, бывший помощник руководителя Кронштадтского жандармского управления в ходе допроса дал очень подробные, ценнейшие сведения по организации русской контрразведки и немецкого шпионажа в годы войны. Оформленные как протокол допроса, по сути своей и по физическому объему (83 листа машинописного текста без оборотов) они являются полноценными воспоминаниями. В них отражены не только общие вопросы контрразведывательной работы в районе действия флота Балтийского моря, но и конкретные дела, практика оперативной и дознавательной работы, схемы организации агентуры, даны развернутые личные и служебные характеристики выдающимся руководителям императорской полиции, жандармерии, контрразведки, военным начальникам, преимущественно Северо-Западного фронта и флота Балтийского моря.

По прижизненным оценкам руководителей Департамента полиции МВД и Отдельного корпуса жандармов, Владимиров относился к числу выдающихся офицеров, имел большой опыт практической сыскной и секретно-агентурной работы. Сохранившийся в Российском государственном военно-историческом архиве послужной список подполковника Владимирова, составленный в июле 1916 года, дает представление не только о его строевой службе как военного и жандарма, но и о личных качествах, способствовавших налаживанию отношений с военными властями. В годы Первой мировой войны, когда противоречия между жандармско-полицейскими и военными властями перешло в подлинное противостояние, опыт подполковника Владимирова достоин отдельного исследования. Организовав наблюдение как за шпионами, так и за военными моряками, он смог не только не поссориться с руководством армии и флота, но и, наоборот, стал для них образцовым сотрудником.

Владимир Владимирович Владимиров родился 3 февраля 1871 года и происходил из мещан Санкт-Петербургской губернии. В 1892 году окончил Петербургское пехотное училище по второму разряду. Первые годы нес воинскую службу в 148-м Каспийском пехотном полку, куда вступил в 1889 году вольноопределяющимся. Полк не относился к старинным русским воинским соединениям, хотя имел свою историю и даже успел поучаствовать в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг. Среди известных офицеров полка можно назвать разве что молодого, но очень популярного поэта Семена Яковлевича Надсона. С передачей 37-й пехотной дивизии, в которую входил Каспийский полк, в состав Санкт-Петербургского военного округа он сменил свою дислокацию с Пензенской губернии на город Кронштадт¹. С 1873 года полк дислоцировался в крепости, поэтому Владимиров начал свою службу уже в Кронштадте. С этим городом будет связана вся его дальнейшая военная и жандармско-полицейская карьера.

Немаловажно отметить, что с 1899 по 1903 г. 148-м Каспийским полком командовал полковник Генерального штаба барон Федор Федорович фон Таубе. А в 1906–1909 гг. уже в генеральских чинах он состоял командиром Отдельного корпуса жандармов и, разумеется, помнил молодого офицера Владимирова. На следующий год после того, как фон Таубе возглавил жандармерию, Владимиров подал заявление о переводе в корпус. Нельзя утверждать

¹ Абасалиев Р.А. История 148-го пехотного Каспийского полка. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 25, 26.

доподлинно, но допустимо с большой степенью вероятности предположить, что это знакомство способствовало успешному поступлению на службу в жандармерию и быстрому назначению на ответственные должности. Корпус был элитарным подразделением, со своими династиями и известной кастовостью. Попасть в ряды его офицеров, тем более сделать карьеру, без соответствующей протекции было крайне сложно. Как вспоминал генерал А.И. Спиридович, из-за хорошего материального положения жандармов и большого наплыва желающих поступить в корпус, даже при формальном удовлетворении всех условий, офицеру, не имевшему протекции, крайне трудно было попасть даже на подготовительные жандармские курсы².

В Каспийском полку Владимиров занимал различные должности: заведующего оружием, офицерским заемным капиталом, командиром нестроевой роты. В 1900 году он был произведен в поручики. В том же году женился на девице из старинного тверского дворянского рода Александре Яковлевне Шубинской. Она проживала в городе Кронштадте на Купеческой улице в доме 5 вместе со своим отцом, военным чиновником Кронштадтской крепостной артиллерии надворным советником Яковом Петровичем Шубинским, а Владимиров жил на той же улице в соседнем доме Коршунова³. В браке имел двух сыновей – Бориса (родился 23 августа 1901 года) и Николая (родился 30 ноября 1908 года)⁴. Интересно, что прадедом Александры Яковлевны был известный полковник Николай Петрович Шубинский (1782–1837)⁵, при Николае I после восстания декабристов занимавший должность начальника Московского округа жандармского корпуса в 1827–1832 гг. Казалось бы, сама судьба вела Владимирова к службе в политическом сыске.

Вполне заурядное и ничем не выдающееся течение службы прервала Русско-японская война. За участие в боевых действиях Владимиров был награжден орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и 4-й степени с надписью «за храбрость», памятной медалью и внеочередным званием штабс-капитана⁶. Из места постоянной дислокации в Новом Петергофе в далекую Маньчжурию Каспийский полк добирался долго: с 29 апреля по 25 августа 1904 года. Владимиров получает назначение командовать третьей ротой полка. Сначала полк был присоединен к отряду генерала П.И. Мищенко, в составе которого в конце сентября он принял участие в боях у деревень Хааматан и Янсанзай. С октября и до окончания войны Каспийский полк находился в составе 1-го армейского корпуса под командованием генерала от кавалерии барона Ф.Е. Мейендорфа. Штабс-капитан Владимиров сражался в почти двух десятках боев и стычек. Находясь в расположении армии на Шахэйских позициях, он участвовал в разведках рядовых охотничьих команд, неоднократно попадал под обстрел японской артиллерии. В феврале 1905 года Владимиров участвовал в Мукденском сражении, отражении японских атак у деревни Люцзятунь. При отходе отряда Мейендорфа к позициям на реке Хуньхэ 23–25 февраля 1905 года находился в арьергарде, участвуя в стычках и ночных боях. Окончание войны Владимиров встретил на Сыпингайских позициях⁷.

Участие в реальных боевых действиях значительно помогло Владимирову в дальнейшей его жандармской службе. Большинство жандармов поступали в корпус в невысоких чинах, обычно поручиками и подпоручиками, не имея реального военного опыта. Шли не только служить Отечеству, но и делать карьеру: зарплаты жандармских офицеров были значительно выше армейских, а продвижение по службе и получение новых чинов – ускоренным. Военные в глубине души отчасти с презрением, отчасти с завистью относились к необстрелянным

² Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 30.

³ Весь Петербург на 1899 год. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Часть III: Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга, Кронштадта, Царского села, Павловска, Гатчины и Петергофа. СПб., 1899. С. 600.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 180413. п/с 168–026. Л. 144–145, 149об.

⁵ Чернявский М. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. № 1396.

⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 180413. п/с 168–026. Л. 144–146, 149об.

⁷ Там же. Л. 150–150об.

«белоручкам» жандармам. Когда десятки жандармских офицеров и унтеров были в 1914–1915 годах командированы для формирования фронтовых контрразведок, у них случались весьма серьезные как служебные, так и исключительно бытовые конфликты с новыми сослуживцами и начальством. Автору публикуемых воспоминаний удалось их избежать.

Однако военная карьера Владимирова перестала интересовать. Тяжелое впечатление на него произвела Первая русская революция и особенно волнения в армии и на флоте, политизацию которых он считал недопустимой. 1 августа 1907 года он подал прошение о зачислении кандидатом на перевод в Отдельный корпус жандармов, решив связать свою дальнейшую жизнь с делом политического сыска. Для поступления в корпус необходимо было написать письменную работу на тему по выбору, показывающую кругозор кандидата и его мотивацию поступления в специальные службы. Сочинение штабс-капитана Владимирова было посвящено ответу на вопрос, какие меры могли бы способствовать успешной борьбе с революционной пропагандой в войсках. Основной проблемой недовольств в армии автор назвал, как ни странно, не деятельность революционных организаций, а халатное отношение офицерского состава к своим обязанностям, отсутствие налаженной коммуникации и доверительных отношений с солдатами. Для борьбы с политической пропагандой Владимиров предлагал ввести политзанятия в частях войск вместо обыкновенных, часто казенных бесед офицеров с подчиненными. В конце сочинения Владимиров написал: *«никакие меры не могут привести к желаемым результатам, если люди, приводящие их в исполнение, не будут проникнуты сознанием их целесообразности и пользы. Со стороны же подчиненных для успешной борьбы необходимы любовь и доверие к начальнику. В тех частях, где офицеры и нижние чины составляют одно целое, где существует связь и твердое определенное требование службы от младшего до старшего, никакой пропаганды быть не может»*⁸. Ответ этот понравился экзаменаторам, и письменная работа получила очень высокий балл: 11 из 12 возможных.

Кроме сочинения кандидату на поступление в жандармерию необходимо было пройти негласную проверку на благонадежность, отсутствие карточных и иных долгов, получить характеристики от своего командования по предыдущей военной службе. 31 августа командир 148-го пехотного Каспийского полка полковник П.А. Кордюков подал следующую аттестацию Владимирову: *«Безукоризненной нравственности. Способный, развитой, усердно относящийся к службе. Среди товарищей пользуется любовью и уважением. Выдающийся ротный командир»*⁹.

Владимиров перевелся из Каспийского полка в корпус жандармов 21 сентября 1907 года, будучи автоматически переименован в штабс-ротмистры и зачислен адъютантом Новгородского губернского жандармского управления. С 25 октября 1907 года по 7 февраля 1908 года он проходил профессиональную переподготовку на курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов. 6 декабря 1907 года был повышен в чине и произведен в ротмистры. Основные экзаменационные испытания проходили с 28 по 31 января 1908 года под председательством начальника штаба корпуса генерал-майора Д.К. Гершельмана. В экзаменационную комиссию входили крупнейшие специалисты своего времени: знаток жандармской службы генерал-майор И.П. Залесский, военный юрист и теоретик дознания коллежский советник С.В. Савицкий, основатель русской криминалистики надворный советник В.И. Лебедев, руководитель особого отдела Департамента полиции полковник А.М. Еремин и другие чины. Всего проходило испытания 37 офицеров, среди которых Владимиров занял скромное 21-е место, набрав 9 $\frac{2}{3}$ балла из 12 возможных. Однако по розыскным специальностям у него были высокие отметки, и изначально ему была предложена крайне престижная работа в Московском охранном отделении. Однако 8 января 1908 года Владимиров получил назначение на куда более скромную должность помощ-

⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 12527. Л. 1–6.

⁹ Там же. Л. 9.

ника начальника Кронштадтской портовой жандармской команды¹⁰. Жандармско-полицейские структуры на острове-крепости были созданы относительно недавно и динамично развивались. Так, Кронштадтское жандармское управление было учреждено лишь в 1904 г., накануне Первой русской революции¹¹.

С 5 сентября 1909 года по 29 сентября 1912 года ротмистр Владимиров служил помощником начальника Кронштадтского жандармского управления полковника Л.И. Котляра, у которого вел всю агентурную работу. Именно в этот момент он был замечен руководством, и начался быстрый карьерный рост ротмистра. Исполнительный, решительный, прагматичный офицер, талантливый розыскник от природы, он получает одно за другим ответственные поручения, организует секретную агентуру, следит за настроениями моряков Балтийского флота. А в июле 1910 года во время визита в Кронштадт императора Николая II совсем недавно поступившему в корпус жандармов офицеру дают важную роль в организации охраны и безопасности царя, за что в сентябре Владимиров был пожалован золотыми запонками. В феврале 1911 г. проводивший ревизию Кронштадтского управления помощник начальника Петербургского районного охранного отделения подполковник М.Л. Гаврилов отмечал, что реальное руководство политическим сыском вел именно Владимиров, «который к порученному ему делу относится с особой заботливостью»¹². Он создал агентурную сеть из двух постоянных секретных сотрудников и 16 вспомогательных агентов, освещавших настроения на крейсерах «Паллада», «Россия», «Рюрик», «Громобой», линейных кораблях «Андрей Первозванный», «Император Павел I» и «Цесаревич», на транспорте «Николаев» и учебном судне «Двина». В 1910–1912 гг. осведомители доставляли около 1700 сообщений обо всех сторонах жизни и быта, политических настроениях, работе революционных ячеек, отношении нижних чинов к офицерам и командирам и т. п. Благодаря усилиям агентуры летом 1912 г. было сорвано организовывавшееся несколько лет вооруженное восстание на Балтийском флоте. Обвинительное заключение было составлено на основании донесений агентов с кличками «Мартынов», «Охотник», «Павлов», «Патриот», «Семенов», «Слетов», «Черновский», «Шишкин»¹³.

В 1910-е годы существовал так называемый Морской район – полуофициальная структура политического сыска, объединявшая агентурную работу Кронштадтского, Финляндского, Эстляндского и Курляндского жандармских управлений по обеспечению политической безопасности флота Балтийского моря. Руководящим центром Морского района было Кронштадтское жандармское управление, а фактическим руководителем агентуры – В.В. Владимиров. В марте 1913 года приказом товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского агентура в воинских частях была распущена. На тот момент в Морском районе работало 58 секретных сотрудников и осведомителей, наблюдавших за настроениями нижних чинов морских и сухопутных команд и вольнонаемного состава Балтийского флота. Из них непосредственно при Кронштадтском управлении состояло 33 сотрудника, при Эстляндском – 11, при Финляндском – 9 и при Курляндском – 5¹⁴. В большинстве жандармских частей было, как правило, не более 4–5 подобных сотрудников на управление. Морской район был крупнейшей в России агентурной сетью в военной среде, в долевой пропорции составлявшей 15 % от всех сексотов, работавших в сухопутной армии и на флотах. Агенты Владимирова служили в Первом Балтийском флотском экипаже, Кронштадтском флотском полуэкипаже, Крепостной минной роте, Крепостной саперной роте, в Кронштадтской крепостной артиллерии, а также в

¹⁰ Там же. Л. 50, 61–63об.

¹¹ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2013. С. 125.

¹² ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 269. Л. 4–4об.

¹³ Там же. Ф. 102. Оп. 316. 1913 г. Д. 210. Л. 86.

¹⁴ Там же. Л. 87.

морском госпитале. 6 декабря 1911 года Владимиров был награжден также орденом Святого Станислава II степени.

Результативного офицера замечают в столице. 29 сентября 1912 года он был отчислен от должности помощника начальника Кронштадтского жандармского управления и, оставаясь в прикомандировании к нему, был направлен в помощь по ведению агентуры к только что назначенному новому начальнику управления полковнику В.В. Тржецяку¹⁵. Это был опытный офицер, который занимался борьбой со шпионажем на флоте еще в годы Русско-японской войны, когда сопровождал II Тихоокеанскую эскадру вице-адмирала З.П. Рожественского, ограждая ее от японских разведчиков¹⁶. Владимирову было поручено заведывание розыском в пределах всей акватории и побережья Балтийского моря, на военных судах, в портах, крепостях, ключевых городах региона. Именно эта работа станет его основным призванием до Февральской революции, а тандем Владимиров – Тржецяк станет очень эффективной, ключевой кадровой комбинацией в решении задач, связанных с обеспечением политической безопасности на русской Балтике.

26 ноября по 12 декабря 1912 года по приглашению директора департамента полиции начальник Кронштадтского жандармского управления и его помощник участвовали в Особом совещании при министре внутренних дел для обсуждения вопросов, связанных с ведением политического розыска. А 29 февраля 1913 года Владимиров избирается членом суда чести офицеров Отдельного корпуса жандармов. Благодаря хорошей репутации, вскоре он входит и в хозяйственную комиссию Кронштадтского управления, проводит документальные проверки истребованных и полученных сотрудниками сумм¹⁷. 6 апреля 1914 года был награжден орденом Святой Анны II степени.

Начавшаяся Первая мировая война стала тяжким бременем для офицеров царского политического сыска. Острая нехватка в империи квалифицированных специалистов по розыску сделала их почти незаменимыми специалистами. Жандармов направляли на службу в контрразведывательные и разведывательные отделения при штабах армий, чиновниками в администрации оккупированных территорий, назначали их военными цензорами. Это приводило к непредвиденному и очень значимому ослаблению организации внутренней безопасности в империи, а также умственным и физическим перегрузкам самих сотрудников спецслужб.

Не стал исключением и В.В. Владимиров. С 21 июля 1914 года по 18 декабря 1915 года приказом коменданта Кронштадтской крепости он занимал должность военного цензора Кронштадта. Параллельно с ним военным цензором с июля 1914 г. по февраль 1916 г. был и полковник Тржецяк. Кадровый голод в царских спецслужбах в годы войны непредвиденно обострился, потому даже крупные руководители и аналитики часто назначались на подобную рутинную бюрократическую работу. 1 октября 1915 года по распоряжению главнокомандующего армиями Северного фронта Владимиров и Тржецяк исполняли обязанности по организации контрразведки по Кронштадтскому крепостному району. В помощь им были направлены жандармский подполковник А.М. Филатьев¹⁸ и поручик В.В. Шлихтинг¹⁹, а также 2 старших

¹⁵ Тржецяк Владимир Валерианович, полковник корпуса жандармов, родился 18 декабря 1865 г., потомственный дворянин Гродненской губернии, окончил Владимирский Киевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В 1902–1905 г. начальник Балканской агентуры Департамента полиции, несколько месяцев 1905 г. и. д. начальника Московского охранного отделения, служил в Варшавском жандармско-полицейском управлении в 1896–1899 и в 1905–1908 гг., с 1908 г. начальник Седлецкого ГЖУ, с 3 октября 1912 г. начальник Кронштадтского жандармского управления и портовой жандармской команды. Военный цензор, контрразведчик. Женат на уроженке гор. Ямболя Восточной Румелии девице Николище Панайотовне Чакмаковой. Дети: Георгий (род. 31.03.1894), Екатерина (28.10.1895), Сергей (02.05.1897), Павел (31.03.1907).

¹⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 178058. п/с 156–727. Л. 220–220об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 219. Л. 40.

¹⁸ Филатьев Александр Михайлович, подполковник корпуса жандармов, с 18 июня 1911 г. помощник начальника Кронштадтской портовой жандармской команды. Родился 28 февраля 1875 г., окончил Первый кадетский корпус и Павловское военное училище, женат. За усердную службу в 1915–1916 гг. награжден орденами Св. Анны II и III ст., Св. Станислава II ст.

и 8 младших филеров из числа жандармских унтер-офицеров, 2 писаря. Ежемесячные общие расходы на ведение контрразведки в Кронштадте составляли 2890 рублей, из которых 650 рублей шло на оплату прибавки к жалованью 4 офицерам, 130 рублей писарям, 666 рублей агентам наружного наблюдения (филерам), 265 рублей на работу канцелярии и фотографического оборудования, 100 рублей на оплату работы наемных переводчиков, 25 рублей на наем конспиративной квартиры и 290 рублей на содержание секретной агентуры. Самой ощутимой частью расходов была оплата разъездов, командировок сотрудников и агентов и отправка телеграмм, ежемесячно обходившаяся в 823 рубля. При этом жандармы значительно превысили заложенный бюджет: вместо положенных 2014 рублей перетратили лишних 876 рублей. Гасить недостачу приходилось за счет средств самого управления, экономя на политическом сыске. Так, в начале 1915 года эту проблему решали следующим образом: из 1415 рублей, положенных по смете на секретные расходы, из сумм отделения был потрачен лишь 1031 рубль, из которых 317 рублей было выдано в виде займа из бюджета следующего месяца.

Надо отметить, что теоретически военная контрразведка в Российской империи была изъята из ведомства полиции и подчинена Главному управлению Генерального штаба, штабам армий и военных округов, а работавшие в ее структурах жандармские чины изымались из органов политического сыска и прикомандировывались к соответствующим армейским подразделениям. Однако специфика Кронштадта заключалась в том, что работать контрразведчики должны были и на суше, и на море. Поэтому никто, кроме чинов Кронштадтского жандармского управления, взаимодействовавшего на межведомственном уровне одновременно с армией и флотом, не мог вести данную работу в достаточной степени эффективно. При этом надо отметить, что военные далеко не спешили оплачивать дорогостоящую работу по контршпионажу в полном объеме. Так, из израсходованных Кронштадтским управлением в декабре 1915 года на контрразведывательную работу 2890 рублей штаб Кронштадтской крепости возместил лишь 1800, оплатив их по статье на содержание секретной агентуры. Нехватка средств приводила к экономии. Из 25 секретных агентов и осведомителей, работавших на жандармское управление в этом месяце, только 9 человек получили жалованье по контрразведывательному бюджету, а 10 секретных сотрудников ежемесячного вознаграждения не получили вовсе. К началу 1916 года экономия на секретной агентуре и расширение внутренних займов из расчета будущих сумм от Департамента полиции стало основным способом сведения баланса Кронштадтского отделения, перегруженного контршпионской работой²⁰.

С началом войны Владимиров постоянно направляется в секретные командировки: в Петроград, Гельсингфорс, Ревель, Териоки, иногда раз в две-три недели²¹. Летом 1915 года Владимиров по приказанию главкома VI отдельной армии в военно-разведывательных целях был дважды командирован в Эстляндскую губернию на острова Эзель, Моон и Даго с секретным поручением. Это было не только крупнейшим расследованием в его жандармской службе, но и, по нашему мнению, началом второго крупного шпионского дела после известного «дела Мясоедова». Одной из задач VI армии было обеспечение безопасности побережья Прибалтийских губерний и Петрограда от возможного десанта немецких войск. После вынесения в марте 1915 года смертного приговора бывшему жандармскому подполковнику С.Н. Мясоедову было арестовано немало количество людей, раскрыта целая «сеть немецкой агентуры», а к середине июня противники военного министра В.А. Сухомлинова, воспользовавшись его знакомством с Мясоедовым, добились отставки министра. Архитекторы дела Мясоедова, главным из которых был, бесспорно, генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич, были окрылены достигнутым успехом.

¹⁹ Шлихтинг Виктор Васильевич, поручик корпуса жандармов, с 9 августа 1911 г. по 20 августа 1916 г. младший офицер Петроградского жандармского дивизиона. Родился 9 марта 1888 г., окончил Орловский Бахтина кадетский корпус и Елизаветградское кавалерийское училище, женат. В 1915–1916 гг. награжден орденами Св. Анны III ст., Св. Станислава III ст.

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915 г. Д. 1. Ч. 58. Лит. Е. Т. 2. Л. 51–58об.

²¹ Там же. Ф. 110. Оп. 21. Д. 219. Л. 30, 33, 47, 47об., 52, 53.

Провал в Восточной Пруссии и только начавшееся великое отступление русской армии можно было объяснить работой германских шпионов.

Должность командующего VI армией занимал 70-летний генерал от артиллерии К.П. Фан-дер-Флит, однако уже с апреля 1915 года исполняющим должность начальника его штаба был назначен М.Д. Бонч-Бруевич. Он был направлен туда главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем с единственной целью: раскрыть немецкие шпионские организации в Петрограде и Прибалтике. Также перед отличившимся в мясоедовском деле генералом была поставлена задача собрать компромат на третьего в очереди престолонаследования великого князя Кирилла Владимировича и его супругу Викторию Федоровну, обвинив их в шпионаже. Задачей-максимум была дискредитация всех потомков великого князя Владимира Александровича.

Вот как это описал в своих мемуарах сам Бонч-Бруевич: «Своим назначением в 6-ю армию я был обязан тому, что в районе ее и самом Петрограде до крайних пределов усилился немецкий шпионаж. На моей обязанности было помочь престарелому и ветхому главнокомандующему армии Фан-дер-Флиту навести хоть какой-нибудь порядок в столице. Я доложил генералу Янушкевичу о своем намерении положить конец хозяйничанью германской разведки, и он от имени великого князя передал мне, что я могу действовать без опаски и рассчитывать на поддержку верховного главнокомандования. Еще через день я был приглашен на обед в поезд Николая Николаевича. После обеда великий князь, выйдя в палисадник, разбитый около стоек, подозвал меня к себе. Взяв меня под руку, он довольно долго гулял со мной по палисаднику, разговаривая о предстоящей мне работе. “Вы едете в осиное гнездо германского шпионажа, – слегка понизив голос, сказал он мне, – одно Царское Село чего стоит. Фан-дер-Флит вам ничем не поможет; на него не рассчитывайте. В случае надобности обращайтесь прямо ко мне, я всегда вас поддержу. Кстати, обратите особое внимание на немецких пасторов, торчащих в Царском Селе. Думаю, что все они работают на немецкую разведку”. Оглянувшись и убедившись, что нас никто не слышит, великий князь попросил меня присмотреться к битком набитому немцами двору Марии Павловны. Вдова великого князя Владимира Александровича и мать будущего претендента на русский престол Кирилла, она до замужества была немецкой принцессой и не могла равнодушно относиться к нуждам родного фатерланда. “Ваше высочество, – взволнованно сказал я, – разрешите заверить вас, что я сделаю все для борьбы с немецким засилием и тем предательством, которым окружена 6-я армия”»²².

Бонч-Бруевич начал активно собирать всю возможную информацию и слухи о немецком шпионаже, прогерманских настроениях прибалтийских баронов. Нельзя исключать, что именно с его подачи редактор отдела внутренних новостей газеты «Новое время» А.М. Селитренников (псевдоним Ренников²³) опубликовал целую книгу, посвященную прогерманским настроениям среди русских немцев Лифляндской, Курляндской и частично Эстляндской губерний²⁴. Книга была написана на основе его же цикла статей в газете «Новое время». Посетив все уголки Прибалтики, не побывал автор разве что на островах Моонзундского архипелага, но дал исчерпывающее описание рижского и ревельского общества. Лейтмотивом книги

²² Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. Электронный ресурс: http://militera.lib.ru/memo/russian/bonch-bruevich_md/06.html.

²³ Селитренников (Ренников) Андрей Митрофанович (1882 – 23.11.1957), родился в Кутаиси, сын присяжного поверенного, окончил историко-филологический и физико-математический факультеты Одесского университета, работал на кафедре философии. Работал журналистом в газете «Одесский листок», а с 1912 г. редактором отдела внутренних новостей в петербургском «Новом времени». Автор ряда сатирических романов и рассказов. В годы Гражданской войны в Вооруженных силах Юга России, редактор газеты «Заря России» (Ростов-на-Дону). В марте 1920 г. выехал из Новороссийска в Варну. В эмиграции в Белграде издавал в 1921–1926 гг. вместе с М.А. Сувориным газету «Новое время». Вторую мировую войну встретил в Париже, но не принял правительства Виши и немецкой оккупации и уехал в Ниццу. В 1940–1950-е годы работал в журнале «Возрождение», газетах «Вечернее время», «Галлиполи», «Заря». Похоронен в Ницце на кладбище Кокад.

²⁴ Ренников А. В стране чудес. Правда о Прибалтийских немцах. Пг.: Издание М.А. Суворина, 1915.

Ренникова была так называемая немецкая измена, концентрировавшаяся вокруг национальных обществ и лютеранских приходов.

Основное обвинение Ренникова заключалось в том, что у немецкой аристократии Прибалтийских губерний много родственников в Германии, как среди политической, так и среди военной элиты. По его подсчетам, в Германской империи проживало 1746 родственников русских баронов. Причем подсчет велся примитивным образом, на основе русских и немецких адресных книг. Так, у Остен-Сакенов там имелось 34 родственника, у Врангелей – 9, у Ливенов, Штакельбергов, Тизенгаузенов и Энгельгардтов по 10, у Унгерн-Штербергов – 12, у Гротгусов – 13²⁵. Однако журналист умалчивал не только о том, что совершенно логично и неудивительно немцам иметь родственников в Германии, но и то обстоятельство, что большинство из них принадлежало к очень дальним генеалогическим ветвям, объединенным разве что общей фамилией и гербом.

Основной акцент в книге ставился на работу немецких союзов, и в первую очередь русского *Deutscher Verein*, который якобы являлся не только центром культурной и общественной жизни русских немцев, но и чуть ли не германской резидентурой и центром продвижения германских интересов. При этом доказательная база враждебности этой организации опиралась в основном на слухи и бесконечные перечисления немцев на руководящих постах в прибалтийской администрации, в том числе в полиции, а также на отдельные эмоциональные публикации в российских немецкоязычных газетах. В ответ Ренникову были опубликованы две книги депутата Государственной думы барона А.Ф. Мейендорфа, скрупулезно изучившего практически каждое предъявленное обвинение и давшего аргументированный ответ²⁶.

Селитренников был опытный журналист, но ему не удалось собрать весомых доказательств измены, а отказы «Нового времени» публиковать приходившие в редакцию опровержения лишь ставили под вопрос сами обвинения. Необходим был голос ответственного государственного служащего. В качестве затравки для шпионского дела были использованы многочисленные рапорты и письма нервнобольного ротмистра пограничной стражи И.И. Рябцева, направлявшего их во все возможные органы военной власти. Он отмечал якобы огромные масштабы германского шпионажа на островах Моонзундского архипелага²⁷. Одно из писем Рябцева попало в руки начальника города Аренсбруга полковника П.В. Родзянко, родного брата председателя Государственной думы М.В. Родзянко. История была доведена до председателя думы, который немедленно включился в создание контрразведки и борьбу с германским засильем на островах²⁸. Фактический правитель Прибалтийских губерний П.Г. Курлов вспоминал о роли П.В. Родзянко в политизации конфликта. «Этот совершенно неуравновешенный человек вообразил себя генерал-губернатором, произносил зажигательные речи, позволяя себе злоупотреблять даже именем Государя Императора, и отдавал целый ряд распоряжений по гражданской части, так что мне пришлось даже запросить главнокомандующего VI-й армией: какими административными полномочиями облечен этот войсковой начальник? Поступивший ответ указал, что обязанности его ограничиваются строевой частью его дружины. Такое разъяснение дало мне возможность охладить пыл полковника Родзянко, но я вызвал вражду к себе как с его стороны, так и со стороны брата, председателя Государственной Думы, который, по видимому, принимал деятельное участие в поддержке своего родственника».

«Расследование» немецкого шпионажа требовало более серьезных фигур, чем журналист Ренников, самовлюбленный полковник Родзянко или психически неуравновешенный ротмистр Рябцев, чье физическое и умственное переутомление не давало возможности поручить

²⁵ Там же. С. 111–112.

²⁶ *Мейендорф А.Ф.* Дополнительные материалы к книгам А. Ренникова «В стране чудес» и Артура Тупина «Прибалтийский край и война». Голоса Балтийских немцев и отзывы русской печати. Венден: Электротипография О. Иепе, 1915.

²⁷ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 24. Л. 76.

²⁸ Там же. Л. 331–332.

ему ведение следствия. Необходим был опытный розыскник, обладающий необходимыми полномочиями и навыками. Эстляндская и лифляндская жандармерия с недоверием относилась к лихорадочной ловле шпионов, считая ее проявлением шпиономании военных властей. Особенно скепсис усилился после дела подполковника С.Н. Мясоедова. Необходимо было также правильно выбрать точку нанесения «удара»: гнездом шпионажа, к примеру, в Риге было никого не удивить. Бонч-Бруевичем была выбрана идеальная локация острова Моонзундского архипелага (Эзель, Моон, Вормс и Даго), строящиеся в спешном порядке укрепления которых прикрывали от немецкого флота вход в Рижский залив и далее морской путь к Петрограду. Обнаруженная измена в этой ключевой точке обороны Прибалтики могла иметь эффект информационной бомбы.

Для расследования признаков немецкого шпионажа в Лифляндии и Эстляндии М.Д. Бонч-Бруевич направил помощника начальника Кронштадтского жандармского управления ротмистра В.В. Владимирова, который за две командировки (с 21 по 31 мая и с 19 по 29 июня 1915 г.) произвел масштабное расследование. Была проведена негласная агентурная разработка вызывавших подозрения личностей, опрошено 17 свидетелей, арестовано и помещено в Петропавловскую крепость 9 подозреваемых, собран компрометирующий материал против 25 представителей аристократии и влиятельных лиц немецкой диаспоры²⁹. В круг подозреваемых и скомпрометированных оказались три члена Государственного совета – О.Р. фон Экс-парре, П.П. фон Баранов и Ю.А. Исккуль фон Гильденбандт, автор опровержений Ренникова двоюродный брат П.А. Столыпина и один из основателей партии «Союз 17 октября» барон А.Ф. Мейендорф, бывший сенатор, гофмейстер двора граф К.К. Пален, эстляндский предводитель дворянства, бывший член Государственного совета барон Э.Н. Деллингсгаузен, один из идеологов и лидеров христиан-евангелистов России барон П.Н. Николаи, представители нескольких громких немецких фамилий, занимавших высокие военные и гражданские чины. Владимирову удалось «вплотную подобраться» даже к представителю романовской династии – правда не к Кириллу Владимировичу, как того хотело военное начальство, а к герцогу М.Г. Мекленбург-Стрелицкому, владельцу Ораниенбаума. Его жандармский ротмистр подозревал чуть ли не в подготовке шоссейных дорог и просек для удобства немецкого десанта при возможном штурме форта Красная Горка³⁰.

Ротмистр расследовал отрывочные сведения о наличии немецкой агентуры среди лифляндских и эстляндских баронов и местного населения, сигнальных точек, негласно собирая данные, фотографируя, опрашивая свидетелей, даже невольно мимоходом раскрывая коррупцию по исполнению оборонных заказов. Результатом расследования стали уголовные и административные дела против представителей ряда известных германфильской позицией представителей местной немецкой аристократии, раскрытая сеть агентуры противника. Эта миссия подробно описана в публикуемых воспоминаниях В.В. Владимирова и приложенных архивных документах и материалах расследования. На следующий день после возвращения Владимирова из командировки вдохновленный подробным отчетом и внушительными результатами Бонч-Бруевич немедленно 1 июля представил его к ордену Св. Владимира IV степени «за отличную службу и за особые труды, вызванные обстоятельствами войны»³¹.

Генерал-лейтенант П.Г. Курлов, занимавший с ноября 1914 г. до августа 1915 г. пост особоуполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийским краем с правами генерал-губернатора, скептически отнесся к выдвинутым обвинениям, видя в них проявление шпиономании и политическую акцию. Чтобы не провоцировать дальнейшее нагнетание межнационального конфликта, он запретил публикацию книги Ренникова на эстонском и латыш-

²⁹ Там же. Л. 3–10, 188.

³⁰ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 29–33, 40–42.

³¹ Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18828. Л. 271.

ском языках³². Также не поддержал выводов Владимирова начальник Лифляндского губернского жандармского управления генерал-майор А.П. Бельский, руководивший на первом этапе войны Варшавским жандармским управлением и уволенный оттуда по настоянию военного начальства за негативное отношение к массовым репрессиям, проводившимся контрразведками в Польше.

Неожиданно перспективное шпионское дело развалилось: начальник контрразведывательного отделения VI армии С.А. Соколов вопреки ожиданиям Бонч-Бруевича не спешил разворачивать крупное расследование. Вместо единого «дела о немецких баронах» контрразведка завела сразу несколько персональных дел, рассматривая обвинения и подозрения против каждого заподозренного в отдельности, тщательно и не торопясь. Ни отстранение Бельского от руководства Лифляндским управлением, ни замена Соколова на не отличавшегося щепетильностью М.М. Федорова не принесли Бонч-Бруевичу ожидаемых результатов. Разработка материала не дала фактических оснований для выдвижения обвинений в шпионаже, и большинство подозреваемых из расследования Владимирова или вовсе не были привлечены к ответственности, или же отделались высылкой во внутренние губернии. Нельзя исключать, что свою роль в медленном ходе расследования сыграл и немецкий погром в Москве, прошедший в конце мая 1915 г. в разгар расследования Владимирова и охладивший пыл властных германофобов. Отставка в августе 1915 г. великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего поставила точку в деле о прибалтийских баронах: политический заказ отменился сам собой.

После расследования в Эстляндии и Лифляндии В.В. Владимиров был направлен в длительную командировку на Аландские острова также с контршпионскими целями. Значимым результатом обследования им русских позиций на архипелагах Рижского и Ботнического заливов Балтийского моря стало усиление полицейско-розыскных структур на стратегических укреплениях. 26 декабря 1915 г. приказом командующего флотом Балтийского моря адмирала В.А. Канина была создана жандармская команда Або-Аландской шхерной позиции в составе одного офицера и 30 нижних чинов при одном мотоцикле и четырех велосипедах³³. Команда была включена в состав Финляндского жандармского управления и находилась под руководством подполковника В.И. Ковалева³⁴.

А 29 февраля 1916 г. приказом начальника Морского генерального штаба с подачи М.Д. Бонч-Бруевича была сформирована конная жандармская команда при управлении Моонзундской позиции. Штат команды состоял из двух офицеров и 15 нижних чинов³⁵. Оперативно она была подчинена Эстляндскому жандармскому управлению. Руководил Моонзундской жандармской командой ротмистр Ф.А. Кудржицкий, знавший специфику работы и с 1914 по 1916 г. служивший помощником начальника жандармской команды Морской крепости Петра Великого³⁶. Именно в основном из чинов этой команды был сформирован штат Моонзундской³⁷. Таким образом, отчасти благодаря деятельности Владимирова к весне 1916 года все крупные русские военно-морские сооружения на Балтике имели свои жандармские структуры. Однако катастрофическая для государственной безопасности нехватка кадров политического сыска не давала этим структурам развернуть работу в полной мере. Так, штат Моонзундской жандармской команды, утвержденный Морским министерством 1 апреля 1916 г., составлял всего 13 человек. На практике в наличии имелось лишь 10 человек, которые должны были

³² Курлов П.Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 123.

³³ ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Л. 89–90.

³⁴ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916. С. 72, 454.

³⁵ ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Л. 174, 174об., 179.

³⁶ Список общего состава... на 1916 г. С. 76, 749.

³⁷ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 50. Л. 25, 25об.

обслуживать 11 пристаней: 8 на островах Даго, Эзель, Моон и Вормс и 3 на материке, на что требовалось не менее 15 жандармских унтер-офицеров. Дополнительно были необходимы жандармы для надзора за военно-строительными работами на оборонительных позициях и батареях и для надзора за местным населением, праздношатающимися и подозрительными личностями. Оставляла желать лучшего и материальнотехническая база. Ротмистр Кудржицкий уже в начале января 1917 г. просил о расширении штата до 25–30 человек и о замене неудобных в обслуживании лошадей удобными для передвижения по островам мотоциклетами и приобретения хотя бы одного катера для поездок между островами³⁸. В прошении, естественно, было отказано. Аналогичные прошения подавал и командир Або-Аландской жандармской команды Ковалев³⁹. Притом что у него было около 30 человек в подчинении, на островах имелось 23 батареи и создавались новые укрепленные позиции, за строительством и безопасностью которых должны были наблюдать жандармы.

Военные командировки были далеко не безопасными, хотя и проходили формально в тылу русских войск. Так, 27 ноября 1915 года, выполняя очередное поручение штаба VI армии в Пернове и Гайнаше, Владимиров попал под обстрел прибрежной территории немецкой военно-морской артиллерией. В этот момент он проезжал на автомобиле вместе с штабным офицером по прибрежной дороге между Уллой и Дагерортом. Заботясь о своей карьере, Владимиров не преминул доложить об этом командованию и добиться занесения эпизода в послужной список. Этот эпизод также нашел отражение в воспоминаниях в связи с «героическим» отражением полковником П.В. Родзянко якобы имевшего место немецкого десанта под Перновом, который на поверку оказался мистификацией самого Родзянко, растиражированной прогрессивной прессой.

Работа Владимирова получила высокую оценку руководства штаба VI армии. В августе 1916 года старший адъютант штаба писал генерал-квартирмейстеру войск гвардии и Петроградского военного округа Б.В. Геруа: «Ротмистр Владимиров по моему представлению неоднократно был командирован бывшим начальником штаба 6-й армии генералом Бонч-Бруевичем по делам разведки и контрразведки в Прибалтийский край и Финляндию и всегда справлялся с делом прямо превосходно. Это боевой офицер, участник русско-японской войны, и вполне понимает задачи чистой контрразведки, что так редко встречается среди офицеров корпуса жандармов. С другой стороны, это человек совершенно порядочный и изумительно честный в денежном отношении, что в особенности важно в таком деле. Я со своей стороны всегда хлопотал за него, чтобы [назнач]ить его начальником контрразведывательного отделения при штабе 6-й армии, и лишь разные случайности помешали этому»⁴⁰.

Действительно планировавшийся осенью 1915 г. переход Владимирова на службу в военную контрразведку не состоялся. К тому моменту стал чувствоваться рост не только оппозиционных, но и откровенно революционных настроений на Балтийском флоте. Ситуация требовала немедленного налаживания системной работы в направлении политического контроля над матросами, который фактически не осуществлялся более двух лет. Руководство флота в лице начальника штаба командующего флотом Балтийского моря контр-адмирала Н.М. Григорова просило направить им именно Владимирова, хорошо себя зарекомендовавшего и знающего морскую специфику. По итогам переговоров 30 октября 1915 г. на борту линкора «Севастополь» между помощником начальника Кронштадтского управления и начальником штаба флота Владимиров составил два документа: предложения по реформе контрразведывательной работы и по реорганизации розыска на Балтийском море в целом.

³⁸ Там же. Ф. 941. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–3.

³⁹ Там же. Ф. 716. Оп. 2. Д. 108. Л. 30.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2126. Оп. 7. Д. 19. Л. 254, 254об.

(Оба публикуются в данной работе.) Командование Северного фронта, узнав о переговорах с Григоровым, вызывало жандармского ротмистра к себе. 7 ноября М.Д. Бонч-Бруевич вместе с начальником контрразведки Н.С. Батюшиным обсуждали брожение на флоте. Именно Владимиров первым из офицеров политического сыска поставил тогда перед руководством армии вопрос о необходимости срочного восстановления секретной жандармской агентуры в войсках и на флоте.

В итоге 17 декабря 1915 г. приказом начальника штаба корпуса жандармов № 2296 Владимиров был снят с ведения контрразведки Кронштадтского крепостного района и командирован состоять при штабе командующего флотом Балтийского моря. Под него была создана отдельная канцелярия при контрразведывательном отделении штаба⁴¹. Иногда ее предпочитали называть Особым отделом при штабе флота, но фактически результаты ее деятельности включали в общие отчеты контрразведки⁴². Перед Владимировым были поставлены три основные задачи: 1) в сжатые сроки создать заново агентурную систему среди судовых и береговых команд и флотских экипажей, а также из вольнонаемного обслуживающего персонала, 2) установить всех политических агитаторов и провокаторов, призывающих матросов к выступлениям против офицеров, выявить их связи с немецкой разведкой, 3) провести ликвидации (т. е. аресты) смутьянов и шпионских ячеек. В то время как руководство армии всеми силами сопротивлялось восстановлению жандармско-полицейской агентуры в воинских частях, обоснованно опасаясь, что это приведет и к наблюдению за офицерским составом, командование Балтийского флота было настроено куда более практично. Для реализации этих задач Владимирову была дана немыслимая для жандармов во время Первой мировой войны широта полномочий. Его Особый отдел отчитывался перед командованием флота, но реально его работа, в том числе самая важная – розыскная и агентурная, координировалась департаментом полиции МВД, то есть профессионалами. В сухопутной армии жандармы и помыслить о таких «вольностях» не могли, являясь не более чем исполнителями воли военных властей. Командование Балтийского флота лишь выделило Владимирову одного помощника – жандармского офицера, а из Кронштадтского жандармского управления к нему было передано на усиление два унтер-офицера, выполнявших различные поручения по взаимодействию с секретными сотрудниками.

Руководитель Особого отдела имел и особые полномочия. Все жандармские и полицейские чины тех губерний, где базировался флот, обязаны были оказывать Владимирову содействие, то есть фактически в его распоряжении оказались сотрудники Финляндского, Кронштадтского, Лифляндского и Эстляндского жандармских управлений. Кроме того, его распоряжения в рамках полномочий Особого отдела были обязаны выполнять командиры морских судов и наземных подразделений флота⁴³. Ни один жандарм в империи не имел столь широких полномочий. Это не могло не вызвать у многих старших по званию офицеров возмущение необходимостью исполнять распоряжения ротмистра. Поэтому спешно 6 мая 1916 года по ходатайству военно-морских властей В.В. Владимиров за отличия по службе был произведен в подполковники. Единственная сложность состояла в том, что он, являясь прикомандированным к штабу флота, должен был получать жалование по своему ведомству. Поэтому сначала он числился в составе Петроградского жандармского управления, а в марте 1916 года был номинально прикомандирован к Финляндскому жандармскому управлению, так как командование флота располагалось в Гельсингфорсе.

В течение 1916 – начала 1917 года Владимиров ежемесячно отправлял командованию Балтийского флота и вице-директору Департамента полиции сводки агентурных сведений о

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 331, 332, 333, 334.

⁴² Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 435Б. Л. 1–2.

⁴³ Там же. Л. 2.

положении на флоте двух типов: 1) о политических настроениях команд флота и 2) о происшествиях, нарушении дисциплины, слухах, циркулирующих среди матросов, злоупотреблениях и случаях общеуголовного характера. Значительная часть набранной им в 1909–1912 годах агентуры осталась за жандармским управлением, часть прекратила сотрудничество, и Владимиров обзавелся новой, еще более разветвленной сетью секретных сотрудников и осведомителей. На 1 июля 1916 года в его распоряжении находилось 49 секретных сотрудников, причем на крупных линейных кораблях и крейсерах на него работало по 2–3 агента одновременно. В I и II бригадах линейных кораблей осведомители Владимирова были на линкорах «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь», «Андрей Первозванный», «Император Павел I» и «Цесаревич» (не было сотрудника только на «Славе»), в I и II бригадах крейсеров агенты работали на судах «Рюрик», «Адмирал Макаров», «Баян», «Громобой», «Россия», «Аврора» (не было сотрудников на «Диане», «Олеге» и «Богатыре»), осведомители были на учебных судах «Азия» и «Петр Великий», заградителях «Амур» и «Демосфен», транспортах «Рига», «Европа» и «У», на эсминцах «Прочный» и «Гавриил», в штабе VI дивизиона миноносцев, подводной лодке «Львица», посыльных судах «Кречет» и «Император Николай II», даже на ледоколе «Царь Михаил Федорович». Значительна была агентурная сеть и на суше. В Кронштадтском порту осведомители работали в штабе порта, команде машинной школы, на портовой электростанции, в Первом Балтийском флотском экипаже и в Кронштадтском полуэкипаже. Были секретные сотрудники в службе связи Свеаборгского порта, отдельной флотской роте и в Гельсингфорсском морском госпитале⁴⁴. Притом что большинство крупных военных судов (линкоров и крейсеров) были охвачены агентурной сетью Владимирова, она была незначительна на эсминцах, подводных лодках и разного рода вспомогательных судах (транспортах, тральщиках, сторожевых катерах). Подполковник постоянно занимался набором новых агентов: последние из них поступили на службу в январе 1917 года, а общая их численность достигала не менее 80 человек.

Однако решение о воссоздании агентуры на флоте было явно запоздалой мерой. Для сбора информации о революционной деятельности и доказательной базы против ее организаторов требовалось значительное время, равно как и для внедрения внутрь противоправительственных ячеек. Неприятие власти со стороны масс простых солдат и матросов усугублялось с каждым днем новыми разоблачительными публикациями прессы, выступлениями думских политиков и застоєм в работе Балтийского флота, занявшего в 1915–1916 годах оборонительную тактику.

В дни Февральской революции многие морские офицеры и жандармы были убиты. Широко известна резня на Балтийском флоте в первых числах марта 1917 года, когда матросами было убито 120 офицеров, из них 45 в Гельсингфорсе и 24 в Кронштадте. Пострадали и многие жандармы. На Привокзальной площади Гельсингфорса был убит бывший начальник Московского и Петербургского охранных отделений контрразведчик барон М.Ф. фон Котен, в Петрограде жестоко избит, арестован и убит начальник жандармского управления генерал-лейтенант И.Д. Волков.

Но Владимирову, оказавшемуся в гуще революционных событий на флоте, удалось выжить. Первые дни революции он ежедневно направлял начальнику штаба флота зашифрованные телеграммы с подробным описанием всего происходящего в Петрограде. Начальник разведывательного отделения штаба Балтийского флота И.И. Ренгартен записал в дневнике, что 28 февраля вечером пришла последняя телеграмма Владимирова, сообщавшая, что министры подали в отставку, а А.Д. Протопопов арестован, восстало до 20 тысяч солдат, а к 1 марта

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246 (ОО-1916). Д. 288 Б.Ф. Т. 2. Л. 129, 129об.

ождается прибытие в столицу императора⁴⁵. Правда, откуда эта информация была у простого подполковника, пусть и контрразведчика, до сих пор остается загадкой.

Утро 1 марта Владимиров встретил в Кронштадте в форте Ино, откуда доложил по телефону в Петроград о восстании моряков и начале убийств офицеров. В тот же день он попытался отъехать в столицу⁴⁶. В первых числах марта 1917 года Владимиров был арестован⁴⁷, причем до конца не ясно, поймали ли его в Кронштадте при попытке покинуть город или он был арестован уже в Петрограде и возвращен в крепость. В Финляндии, Свеаборге, Гельсингфорсе и Кронштадте во всю шли аресты и задержания жандармов. 2 марта был схвачен помощник начальника Финляндского жандармского управления по пограничному району Або полковник В.А. Тюфяев, а 4 марта в Свеаборге чины местной крепостной жандармской команды были перебиты, один из них, унтер-офицер А.И. Иваненко, был заживо сожжен в телефонной будке⁴⁸, в самом же Кронштадте был убит помощник начальника жандармского управления, ведавший контрразведкой, подполковник В.В. Рубан⁴⁹.

8 марта 1917 г. был сформирован Исполнительный комитет Кронштадтского совета военных депутатов, куда вошли представители 35 человек, представители от флота, артиллерии, пехоты, инженерных войск и от различных учреждений и управлений. Среди членов первого состава совета был социал-демократ, моторист нестроевой роты Кронштадтского крепостного артиллерийского склада Александр Иванович Гуйтов, бывший многолетний секретный сотрудник Кронштадтского жандармского управления, известный под агентурными кличками «Кириллов» и «Каменский». Более того, бывший осведомитель полиции стал членом следственной комиссии исполкома совета, получил право производства дознаний, арестов и обысков, имел свободный проход в тюрьмы и арестные дома⁵⁰.

Судьба арестованных офицеров была одним из первых вопросов, которые были вынесены на рассмотрение вновь испеченного исполкома уже в первые дни его работы. Было принято решение «ярко политических преступников отделить и применить к ним суровый режим», остальных офицеров держать в менее суровых условиях, т. е. разрешить им свидания и передачу продуктов питания. Была сформирована комиссия для выяснения степени виновности арестованных офицеров, в которую вошли депутаты А.К. Баранов, большевик, писарь В.Ф. Панкратов большевик, инструктор Учебно-артиллерийского отряда И.Д. Сладков, унтер-офицер учебного судна «Рында» М. Дергачев; меньшевик, солдат Г.И. Иванов и уже вышеупомянутый А.И. Гуйтов⁵¹. 10 марта на очередном заседании совета он сделал доклад о содержании арестованных офицеров, предложив смягчить режим содержания: «объехав три тюрьмы, заметил чрезвычайное переполнение тюрем арестованными офицерами, полное отсутствие комфорта и даже необходимых вещей»⁵². В течение марта шла активная переписка между военноморским министром А.И. Гучковым и Кронштадтским советом по вопросу освобождения хотя бы боевых офицеров.

Именно с помощью Гуйтова Владимиров и другие жандармы были освобождены из-под ареста в конце марта – начале апреля 1917 года⁵³. Он же помог скрыться и бывшему начальнику Кронштадтского жандармского отделения генерал-майору В.В. Тржецяку. Рискнем предполо-

⁴⁵ Ренгартен И.И. Февральская революция в Балтийском флоте // Красный архив. Т. 32. М.; Л., 1929. С. 100.

⁴⁶ Казащев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 57.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 22.

⁴⁸ Казащев Д.Л. Воспоминания о службе.... С. 59, 104.

⁴⁹ Парчевский Т. Записки губернатора Кронштадта. СПб., 2009. С. 78.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 17. Л. 57, 59, 65–69.

⁵¹ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 1: Март – июнь 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 34–36.

⁵² Там же. С. 37.

⁵³ ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 268. Л. 18.

жить, что Гуйтов освобождал свое бывшее начальство отнюдь не из альтруистических целей, а спасая себя от возможного раскрытия. Сам Гуйтов по иронии судьбы не смог скрыться от революционного правосудия. Почувствовав подозрительное отношение к себе коллег, он выбивает себе разрешение покинуть Кронштадт для поездки в Одессу на месяц до конца апреля якобы с целью навестить родственников. Однако бывший сексот затянул с отъездом, был раскрыт и 16 апреля был арестован своими коллегами по исполкому⁵⁴. В ходе расследования начала вскрываться не только агентурная сеть жандармерии, но и многочисленные махинации Гуйтова и других бывших агентов, занявших руководящие посты. В связи с этим скандалом 28 апреля следственная комиссия исполкома самораспустилась⁵⁵.

После раскрытия Гуйтова и ряда других секретных сотрудников началась системная работа с документами бывшей жандармерии, и многие люди Владимирова попали в поле зрения революционных властей. В октябре 1917 г. Исполком Кронштадтского совета сформировал из представителей социалистических партий и городских общественных организаций Чрезвычайно-следственную комиссию по расследованию работы секретной агентуры Кронштадтского жандармского управления. После окончания расследования все материалы комиссия направляла в общественный демократический суд. В первые месяцы его работы кара для бывших осведомителей была достаточно мягкой. Как правило, наказание ограничивалось арестом или подпиской о невыезде⁵⁶. В 1920-е годы многие секретные сотрудники были арестованы повторно, но наказание было устроено от 3 до 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Так, начальник команды филеров Е.Ф. Юдин в 1926 году был приговорен к трехлетней высылке⁵⁷.

Интересно, что многие секретные сотрудники, широко известные именно как участники революционного движения в Кронштадте, после Октябрьской революции заняли определенные посты в новой советской властной иерархии. Так, бывший осведомитель Т.Я. Березин-Аганич по кличке «Котин» IV Съездом советов был избран членом ВЦИК. А его родной брат П.Я. Березин-Аганич (кличка «Павленко») в 1918–1919 годах работал в ВЧК, откуда был изгнан за превышение полномочий и служебные преступления⁵⁸.

⁵⁴ Там же. Л. 1, 1об., 77.

⁵⁵ Кронштадтский Совет в 1917 году... С. 218.

⁵⁶ *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 230.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 2. Д. 348. Л. 2.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 1304. Л. 12–14, 33об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.